

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-297-306

ТЕОРИЯ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ» МАО ЦЗЭДУНА: ОПЫТ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА

Мэн Юйфэн

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 552094367@qq.com,

<https://orcid.org/0000-0002-3747-8927>

Аннотация. Целью статьи является анализ ключевых концептов теории «новой демократии» Мао Цзэдуна. Для этого автор в качестве методологического ориентира выбирает когнитивистскую трактовку идеологии, прежде всего, структурно-морфологический подход М. Фридена, который позволяет охарактеризовать ядро идеологии с учетом ее смежных и периферийных концептов. С опорой на анализ текстов Мао периода 1920–40 гг. автор показывает, как в дискурсе лидера китайских коммунистов формируется идеологический конструкт, получивший позднее название «теория новой демократии». В статье раскрывается смысл концептов, составляющих ядро этой теории: китаизация марксизма, революционная война и новая демократия. При этом автор акцентирует также роль смежных концептов, позволяющих раскрыть общий смысл «новой демократии»: классы и классовая борьба, аграрная революция, китайская нация, китайский народ, единый национальный фронт, гегемония и др.

Ключевые слова: идеологический конструкт, идеологический концепт, Мао Цзэдун, классовый подход, китаизация марксизма, крестьянская революция, революционная война, новая демократия, нация, народ

Для цитирования: Мэн Юйфэн. Теория «новой демократии» Мао Цзэдуна: опыт морфологического анализа идеологического конструкта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 297–306. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-297-306>

Young scientists

Original article

MAO ZEDONG'S THEORY OF "NEW DEMOCRACY": THE EXPERIENCE OF MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF AN IDEOLOGICAL CONSTRUCT

Meng Yufeng

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 552094367@qq.com,

<https://orcid.org/0000-0002-3747-8927>

Abstract. The purpose of the article is to analyze the key concepts of Mao Zedong's theory of "new democracy". For this purpose, the author chooses the cognitive understanding of ideology as a methodological guideline, first, the structural-morphological approach of M. Freedon, which allows us to characterize the core of ideology considering its adjacent and peripheral concepts. Relying on the analysis of Mao's texts of the 1920-40 period, the author shows how an ideological construct is formed in the discourse of the leader of the Chinese Communists, which later became known as the "theory of new democracy". The article reveals the meaning of the concepts that make up the core of this theory: the Sinification of Marxism, revolutionary war and new democracy. At the same time, the author also emphasizes the role of adjacent concepts that allow revealing the general meaning of the "new democracy": classes and class struggle, agrarian revolution, Chinese nation, Chinese people, united national front, hegemony, etc.

Keywords: ideological construct, ideological concept, Mao Zedong, class approach, Sinification of Marxism, peasant revolution, revolutionary war, new democracy, nation, people

For citation: Meng Yufeng. Mao Zedong's Theory of "New Democracy": the experience of morphological analysis of an ideological construct. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):297–306.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-297-306>

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в научной литературе, посвященной маоизму, является оценка степени его оригинальности в рамках марксистско-ленинской традиции¹. Китайский историк Ван Цзясян первым использовал термин «идеи Мао Цзэдуна», когда в одной из своих статей 1943 года четко заявил, что «идеи Мао Цзэдуна – это китайский марксизм-ленинизм»². Известный американский китаевед Б. Шварц назвал маоизм «ересью» марксизма [1]. Другой известный американский китаевед С. Шрамм высказал мнение, что из всех концепций, выдвинутых Мао в конце 1930-х гг., ни одна не воплощала так откровенно и смело его веру в уникальность китайской революции и необходимость для китайцев решать свои собственные проблемы собственным способом, как его идея 'китайской оптимизации марксизма' [2]. В данной статье мы обращаемся именно к этой идее, как она была продумана в текстах Мао Цзэдуна периода 1930-40 гг. Данный период практически единодушно оценивается китайскими учеными как наиболее продуктивный в творческой биографии классика китайского марксизма. При этом в качестве общей черты идейного наследия Мао данного периода указывается первый (и основополагающий для КНР) опыт «китаизации марксизма» [3]. Относящееся к 1930–40-м гг. «первое сочетание марксизма с китайской действительностью» отличают в КНР от «второго сочетания» в эпоху социалистического строительства 1950-60-х гг. При этом концептуальным маркером упомянутого «первого сочетания» выступает как раз теория «новой демократии» [4].

В пользу выделения этой теории как особого идеологического конструкта говорят прежде всего ее позднейшие оценки внутри самой КПК. Мао Цзэдун отказался от своего идеологического детища уже в начале 1950-х годов [5, т. 5, с. 105]. Напротив, Дэн Сяопин, объявляя на XII съезде КПК программу реформирования Китая, символически называет этот съезд наиболее важным форумом партии после VII съезда, на котором Мао продвигал доктрину новой демократии. В речи Дэна были обозначены три идеологических конструкта КПК, которые вписываются в общую идеологическую формацию китайского социализма: с одной стороны, маоистские концепции «новодемократической революции» и «всестороннего развертывания социалистического строительства»; с другой – концепт «социализма с китайской спецификой», выдвинутый самим Дэном. При этом, если концепт новой демократии оценивается китайским реформатором положительно, то практику второго он описывает как «извилистый путь», полный «серьезных неудач» [6, с. 4-5]. Вместе с тем Дэн Сяопин высоко оценивал стремление Мао Цзэдуна «сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем» [6, с. 6]. Не будет преувеличением сказать, что выраженный здесь концепт китаизации марксизма является неотъемлемым элементом всех идеологических конструктов, до сих пор выполнявших роль «временно-официальных идеологий» [7, с. 38] в КНР. Но зарождается этот элемент в дискурсе Мао Цзэдуна и в связи с констелляцией концептов, получивших позднее общее (и отчасти условное) название «теории новой демократии».

Какие же концепты составляют структуру этого идеологического конструкта? Цель данной статьи состоит в том, чтобы идентифицировать в этой структуре центральную (ядерную) часть с привлечением смежных для нее концептов. Но для этого необходимо вначале уточнить, что следует понимать под идеологическим конструктом и каким методом его исследовать.

Понятие идеологии, лежащее в основе данной работы, является марксистским по своим истокам, однако учитывает и вклад других интеллектуальных традиций в изучение данного сложного явления. Для классиков марксизма идеология есть самодовлеющая система идей, которая, в отличие от науки, не только не нуждается в проверке социальной реальностью, но сама претендует быть «творческой силой и целью всех общественных отношений» [8, т. 3, с. 421]. Для неомарксистской традиции в лице прежде всего А. Грамши такой статус идеологии является не только инструментом политического господства посредством преднамеренного введения масс в заблуждение, но прежде всего «той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т. д.» [9, с. 74]. Среди современных авторов сходный концепт

¹ Заметим, что в отличие от исследовательской литературы, посвященной Мао Цзэдуну [1], ни в текстах самого Мао, ни в официальном дискурсе КПК никогда не использовался термин «маоизм» (毛主义: Мао чжуи) по аналогии с «марксизмом-ленинизмом» (马克思 - 列宁主义: Макэсы - Ленин чжуи), а в современном Китае в официальных партийных документах употребляется выражение «идеи Мао Цзэдуна» (毛泽东思想: Мао Цзэдун сысян).

² 王稼祥. 中国共产党与中国民族解放的道路. - 解放日报. 1943-07-08. [Ван Цзясян. Коммунистическая партия Китая и путь к национальному освобождению в Китае. - Цзефан жибао. 08.07.1943.]

идеологии развивает голландский ученый Т. ван Дейк. Он рассматривает идеологию как «форму социального знания, разделяемого членами группы, класса или других социальных формаций» [10, с. 54]. Это специфическое знание представляет собой когнитивную конструкцию, составленную из разных по своему типу элементов. Природа этих элементов является предметом широкой научной дискуссии, в тонкости которой мы здесь входить не будем.

Пролить свет на этот вопрос нам во многом позволяет «морфологический» подход к идеологиям, предложенный британским политическим философом Майклом Фриденем. Трактат идеологии как «особый и уникальный жанр использования и комбинирования политических концептов (concepts)» [11, р. 48], Фриден показывает, что главное в идеологиях есть не столько наличие либо отсутствие каких-то концептов, сколько разное упорядочение сходных концептов. Такое упорядочение характеризуется, по Фридену, различием ядерных, смежных и периферийных концептов в общей структуре идеологии. Эта структура обеспечивает «деконтекстацию» многозначности политических концептов, выводя их из режима «сущностной оспариваемости». Используя изначальную многозначность политических концептов как сырой материал, идеология по-своему занимается конструированием социальной реальности: «связывая воедино большое количество концептов, каждый из которых был деконтекстирован благодаря своей ассоциации с соседними концептами, идеологии получают четкие идеологические профили» [11, р. 85].

Если для ученого многозначность идеологического понятия неизбежна, то для самого идеолога она, напротив, вне закона, и это выражается, по Фридену в «цементировании» отношений между словом и концептом как эффекте деконтекстации альтернативных значений. Так, должно было пройти некоторое время, прежде чем термин «новая демократия» победил своих вербальных «конкурентов» и стал единоличным индексом соответствующего идеологического конструкта. Важно, что идеологические концепты вроде «новой демократии» являются не исключительно условными моделями какого-то теоретика или отвлеченными фантазиями политика, но «конструктами (constructs), отражающими социально-историческую практику» [11, р. 52].

Поскольку в анализе идеологического конструкта Мао Цзэдуна мы делаем акцент на различии ядерных и смежных концептов, есть необходимость высказать по этим понятиям несколько методологических замечаний. К ядерным концептам идеологической структуры мы будем относить те, без которых она теряет свое специфическое отличие от других идеологий. Само ядро идеологии представляет собой не один какой-то концепт, а концептуальный пучок - «гибкую и эмпирически подтверждаемую коллекцию идей, сформированных социальными конвенциями» [11, р. 84]. Взаимное выключение некоторых смыслов (деконтекстация) ядерных концептов происходит, видимо, только в том случае, когда они образуют связанное суждение, выражающее основную идею идеологии. Так, для идентификации ключевых концептов либеральной идеологии М. Фриден, останавливаясь на одном суждении британского философа Дж. С. Милля («Свободное развитие индивидуальности является одной из главных основ благополучия»), замечает, что содержащаяся в нем фраза «свободное развитие индивидуальности» содержит три из основных концептов, которые Милль продвигал в своей политической теории. Фриден поясняет, почему: «Отношения свободы, индивидуализма и прогресса – это отношения взаимной зависимости и определения. Невозможно распутать их и поместить одну из них в центр аргументации Милля» [11, р. 145].

Этот пример может служить нам образцом при характеристике ядерных концептов теории «новой демократии». И здесь есть смысл стартовать с базового суждения. Разумеется, это суждение необязательно должно быть цитатой из какого-то реального текста - оно может быть и резюме соответствующей аналитической работы с источниками. Заметим также, что в идеологических конструктах более субъективного (как доктрины какой-то партии) и/или локального (привязанного к условиям конкретной страны) характера индексация ядерных концептов может носить более сложный характер, чем в случае отдельных слов в примере Фридена с классическим либерализмом. Однако аналитик, работающий с концептной структурой данной идеологической формации, должен иметь в виду, что даже логика основной идеи идеологии не может служить абсолютным критерием для отнесения того или иного концепта к ядру идеологии. Здесь важна также позднейшая идеологическая рефлексия со стороны тех, кто сохранил к этой идеологии политический интерес.

Как показывает М. Фриден на примере либеральной идеологии, только нескольких концептов с их взаимно уточняющими семантиками в выражении «свободное развитие

индивидуальности» недостаточно для выживания либерализма в кругу других идеологий. Поэтому либерализм нюансирует дальше смыслы своих ядерных концептов, присоединяя к ним определенный набор дополнительных (смежных) понятий. К ним относятся в идеологии те «категории концептов, которые необходимы для ее выживания как с культурной, так и с логической точек зрения, хотя отдельные экземпляры этих категорий таковыми не являются» [11, р. 78]. Общая функция смежных концептов состоит в том, чтобы раскрыть специфическое содержание варианта (вида) какой-либо идеологии. Другими словами, благодаря смежным концептам типовые характеристики (ядерные концепты) какой-то идеологии не только становятся более понятными массовой аудитории, но и пускают корни в конкретной культурной среде, становятся ближе к жизненному кругу людей. В этом смысле различие между ядерными, смежными и периферийными концептами примерно соответствует различению типа, вида и экземпляра какой-то идеологии. К примеру, есть общая идеология коммунизма с ядерными концептами вроде «бесклассового общества», далее, есть ее разные виды (русский большевизм, китайский социализм и т.д.), наконец, есть конкретные экземпляры одного и того же вида идеологии, как в нашем случае – теория «новой демократии» Мао Цзэдуна, концепция «социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина и т.д. Используемое нами понятие «идеологического конструкта» примерно совпадает с понятием «экземпляра» идеологии.

Не менее важным в анализе идеологических конструктов китаизированного марксизма является и понятие периферийных концептов, которые обеспечивают жизнеспособность конкретных экземпляров той или иной идеологии – к примеру, успех идей Мао в период единого антияпонского фронта 1930-40 гг. в отличие от идей Мао в период социалистического строительства в Китае 1950-60-х годов. Но из-за ограниченного объема статьи мы этот сюжет опускаем. Охарактеризуем теперь в общих чертах ядерные концепты маоистского идеологического конструкта «новой демократии».

Накануне провозглашения КНР Мао Цзэдун свел суть программы действий китайских коммунистов с учетом прошлого опыта к одной формуле: «Демократическая диктатура народа, руководимая рабочим классом (через коммунистическую партию) и основанная на союзе рабочих и крестьян ... в тесном сплочении с международными революционными силами» [5, т. 4, с. 515–516]. Смысл этой формулы, в которой с формально-логической точки зрения есть сразу несколько тавтологий и противоречий, невозможно расшифровать без морфологического анализа всего идеологического конструкта Мао, причем взятого в его динамике на протяжении 1930-40 гг.

Для этого надо прежде всего сформулировать базовое суждение, в котором выражена основная идея этого идеологического конструкта. Оно могло бы звучать так: *творчески применяя общие истины марксизма к осмыслению конкретного опыта китайской революционной войны, коммунисты Китая выработали программу новой демократии*. В этом суждении главными являются три концепта, которые вербально могут быть проиндексированы как *китаизация марксизма*, *революционная война* (в Китае) и *новая демократия*. Теперь охарактеризуем эти концепты подробнее, с учетом смежного им концептуального пространства.

Китаизация марксизма. Принцип китаизации марксизма как идеологического условия китайского пути к социализму Мао Цзэдун четко формулирует в контексте внутривнутрипартийной дискуссии о «едином национальном фронте (民族统一战线: миньцзу тун и чжаньсянь)» против японских захватчиков. Он заявляет в своем выступлении в декабре 1938 года: «Коммунисты являются сторонниками интернационального учения — марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму» [5, т. 2, с. 256]. Для этого коммунисты должны осознать себя «частью великого китайского народа» от Конфуция до Сунь Ятсена, усвоить «приятный для слуха и радостный для глаза китайского народа китайский стиль и китайскую манеру» [5, т. 2, с. 266]. Впрочем, сам термин «китаизация марксизма» (马克思主义的中国化: Макэсы чжунгхоуа), употребленный Мао в упомянутом докладе, при издании «Избранных произведений Мао Цзэдуна» был заменен на фразу «применить марксизм к конкретным условиям Китая» (使马克思主义在中国具体化: Ши Макэсы чжунгхоуа цзай чжунгхоуа цзюйтихуа) [5, т. 2, с. 266]. Профессор Центральной партийной школы при ЦК КПК Ли Цзюньжу поясняет такую корректировку опасением тогдашнего руководства КПК, что формулировка «китаизация марксизма» могла быть ошибочно расценена как националистический уклон, поэтому в дальнейшем КПК избегала ее использования вплоть до 2000-х годов [12]. В своем докладе на совещании кадровых работников в Яньани (май 1941 года) Мао Цзэдун изящно обезопасил себя

от обвинений в националистическом уклоне, сославшись на «Краткий курс истории ВКП(б)» как на образец того, как «Ленин и Сталин соединили всеобщую истину марксизма с конкретной практикой революции в Советском Союзе» [5, т. 3, с. 24].

В идеологическом конструкте Мао к базовому концепту китаизации марксизма подтягивается, как минимум, три смежных концепта: *класс*, *китайская нация* и *китайская (национальная) революция*. Тем самым Мао удается, с одной стороны, раскрыть политические и научные перспективы марксистского классового подхода в Китае, а с другой - деконтектировать в марксистском духе концепт «китайской нации», за который у КПК шла острая семантическая борьба с китайскими националистами вроде Лян Цичао.

При исходном раскрытии содержания концепта китайской революции, помимо таких смежных понятий, как *аграрная* и *демократическая революция*, исключительно важную роль играет понятие *класса* и *классового анализа*. Эти понятия активно используются на всем протяжении идеологического конструирования у Мао, но интересны национальные нюансы реализуемого им классового анализа китайского общества 1920-30 гг. Мао не ограничивается простым наложением общей марксистской схемы классов (буржуазия vs. пролетариат; помещики vs. крестьяне) на китайское общество; но, во-первых, он дифференцирует каждый из этих классов на подклассы, выделяя, к примеру, несколько подгрупп внутри не только буржуазии и «мелкой буржуазии», но даже внутри «полупролетариата» и люмпен-пролетариата [5, т. 1, с. 11-16; т. 2, с. 404]. При этом китайский марксист методично оценивает (контр-) революционный потенциал каждого подкласса в зависимости от его экономического статуса.

Во-вторых, классовый анализ модифицируется у Мао в зависимости от политической ситуации. При этом нередко экономические критерии выделения подклассов плавно переходят в политические и идеологические. К примеру, буржуазию, помимо традиционного марксистского разделения на крупную, среднюю и мелкую, Мао делил на «компрадорскую крупную буржуазию» и «национальную буржуазию», а среди состава первой категории выделял «прояпонскую крупную буржуазию (капитулянтов (投降派: тоусян пай))» и «крупную буржуазию европейской и американской ориентации (твердолобых (顽固派: ваньгу пай))» [5, т. 2, с. 401-402].

В-третьих, оценка Мао интеллигенции обнаруживает некоторые отличия от большевистской. Ленин писал в 1919 г., что «большинство интеллигенции тянет к буржуазии», так что пролетариат победит «не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию» [13, т. 39, с. 19]. У Мао же отношение к интеллигенции (知识分子: чжиши фэньцзы) двоякое: с одной стороны, он убежден, что «без участия интеллигенции победа революции невозможна» [5, т. 2, с. 377], тем более что «буржуазные партии отчаянно борются с нами за интеллигенцию» [5, т. 2, с. 378]. С другой стороны, замечает лидер китайских коммунистов, без включенности в революцию интеллигенция «часто бывает склонна к субъективизму и индивидуализму» [5, т. 2, с. 405], да и внутри партии интеллигенты страдают «книгопочтением» (本本主义: бэнь бэнь чжуй): «Многие из читавших марксистские книги стали ренегатами революции, в то время как неграмотные рабочие зачастую прекрасно владеют марксизмом» [14, с. 278].

Далее, в понимании Мао Цзэдуном китайской революции сталкиваются два концепта: с одной стороны, логически смежное понятие «буржуазно-демократической революции», поставленное из теоретических арсеналов марксистской классики; а с другой - характер китайской революции как крестьянской революции под руководством коммунистов. Мао уже в одной из своих ранних работ (1926 года) [5, т. 1, с. 9-21], вооружившись классовым подходом, видит в крестьянстве не столько главного союзника пролетариата в китайской революции, сколько ее главную движущую силу (при условии руководства со стороны коммунистов). Здесь мысль Мао существенно отклоняется от подхода к крестьянству у русских большевиков. Ленин свое понимание диктатуры пролетариата как «самой свирепой, самой острой, самой беспощадной войны нового класса против более могущественного врага, против буржуазии» оправдывал не в последнюю очередь опасностью для пролетарской власти со стороны крестьянского мелкого производства, которое «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [13, т. 42, с. 6]. Мао же, напротив, опубликовал в сентябре 1926 года статью «Национальная революция и крестьянское движение», в которой утверждал, что национальная революция не будет успешной, если крестьяне не восстанут, чтобы присоединиться к ней и поддержать ее [15].

Мао был убежден, что «национальная революция (国民革命: гоминь гэмин) есть прежде всего прежде всего «аграрная (сельская) революция (土地革命: туди гэмин)». Тем самым идеолог

китайских коммунистов семантически сближает концепты национальной (китайской), демократической и сельской (аграрной, крестьянской) революции. И только с этой позиции соглашается с концептом «буржуазно-демократической революции», которым коминтерновская резолюция обозначала тогдашние революционные события в Китае [5, т. 1, с. 116]. Руководство со стороны пролетариата и компартии у Мао тоже понимается несколько иначе, чем у русских большевиков: это не вооруженная борьба с «мелкобуржуазной анархистской стихией», а тактика, в которой чувствуется отзвук даосской мудрости: «Мы, коммунисты, подобны семенам, а народ подобен земле. Когда мы едем в какое-либо место, мы должны объединиться с людьми, пустить корни и расцвести среди них...» [16, с. 1]. Аналогичную стратегию Мао предлагал и в отношении буржуазной интеллигенции: «чтобы их перековать, надо прежде всего сплотиться с ними» [5, т. 3, с. 237].

Крестьянство выступает у Мао и главной опорой «китайской нации» как культурно-политической общности. Это наиболее ярко выразилось в эмоционально окрашенных текстах Мао и декларациях ЦК КПК 1937 года, с началом того, что было квалифицировано в официальном дискурсе партии как «общенациональная война Сопrotивления с японскими захватчиками». Судя по работам Мао того периода, он прославляет китайскую нацию как «великую»: она «не только известна всему миру своим трудолюбием и выносливостью, но и является свободолюбивой нацией, обладающей богатыми революционными традициями» [5, т. 2, с. 383]. Однако в понимании природы китайской нации у Мао Цзэдуна заметна двусмысленность. С одной стороны, в примордиалистском ключе утверждается, что в течение многих тысяч лет «развития своей цивилизации» [5, т. 2, с. 383] китайская нация создала земледелие и ремесло. С другой стороны, в дискурсе Мао транслируется близкий марксизму модернистский концепт нации как политической общности, которую еще надо построить. В отчетном докладе VII съезду КПК (апрель 1945 года) в качестве «исторической задачи китайского народа» значится «превратить раздробленный Китай в Китай единый» [5, т. 3, с. 313]. В этом же докладе Мао обрушивается с критикой «на великоханьский (大汉族主义: да ханьцзу чжуи), порочный подход к национальному вопросу» среди гоминьдановцев, противопоставляя этому суньятсеновский принцип «национализма (民族主义: миньцзу чжуи)», предполагающий не только освобождение самой китайской нации (中国民族: чжунго миньцзу), но также равноправие всех наций (= национальностей) (民族: миньцзу) и защиту национальных меньшинств (少数民族: шаошу миньцзу).

Революционная война. У Мао мастерски деконструируется концепт войны в составе базового концепта «революционной войны (革命战争: гэмин чжаньчжэн)» или «национально-революционной войны», где стягиваются воедино семантики всех возможных войн (гражданской, классовой, национальной, партизанской, культурной и т.д.). Это позволяет лидеру китайских коммунистов обеспечить выгодные для КПК позиции в семантической войне за ключевой (после начала масштабной японской агрессии) символ-концепт тогдашнего публичного дискурса – «война». Но и независимо от войны с японцами, Мао Цзэдуна никогда не смущал военный модус классовой борьбы. Еще в 1920-х годах он писал, что «в каждой деревне необходим кратковременный период террора», ибо «революция — это не званый обед, а ... насильственный акт одного класса, свергающего власть другого класса» [5, т. 1, с. 30].

Концепт революционной войны Мао начинает использовать, еще не отказываясь от коминтерновского понятия «демократической диктатуры рабочих и крестьян» как непосредственной цели китайской революции. Однако достижение этой цели китайский коммунист квалифицирует как «великую классовую борьбу», требующую мобилизации и агитации даже в экономической сфере, где обученные коммунистами кадры «станут командирами, а широкие массы народа – бойцами хозяйственного фронта» [5, т. 1, с. 167]. Мао называет Красную армию Китая «вооруженной организацией, выполняющей политические задачи революции», рассматривая ее как главное средство не только для решения военных задач, но также для «агитации и пропаганды в массах» [5, т. 1, с. 128-129].

В целом, ядерный концепт революционной войны раскрывается в текстах Мао, с одной стороны, через логически смежные концепты *классовой борьбы, революции, буржуазии* и т.п., относящиеся к теории марксизма-ленинизма; с другой же стороны – посредством исторически смежных концептов вроде *антияпонского сопротивления, затяжной войны, партизанской войны, окружения города деревней* и др. Между этими концептами у Мао всегда сохранялось теоретическое напряжение, потому что стандартные марксистско-ленинские понятия не всегда вписывались в китайские реалии.

Мао неоднократно цитирует в своих работах 1930-40 гг. сталинский тезис о том, что одно из преимуществ революции в Китае заключается в вооруженном характере противостояния революции и контрреволюции. Но Сталиным эта особенность китайской революции фиксируется в 1926 году как ситуативная в сравнении с кейсом русской революции 1905 года. Мао же спустя два десятилетия генерализирует смысл сталинского тезиса: «в Китае главной формой борьбы является война, а главной формой организации – армия» [5, т. 2, с. 277]. Специфика китайской революции, подчеркивает китайский коммунист, состоит не только в том, что силы революции в ней так же вооружены, как и силы контрреволюции; важно также, что ни одна из этих сил не имеет решающего перевеса. Отсюда понятен затяжной характер революционной войны и необходимость партизанских практик. Длительное существование в тогдашнем Китае небольших районов красной власти («отторгнутых» районов - 割据地: гэцзюй ди), окруженных со всех сторон территорией под белой властью Гоминьдана, Мао считал «явлением, невиданным в мировой истории» [5, т. 1, с. 73]. С этим он связывал свою знаменитую стратегию «брать города в окружение революционных деревень» [5, т. 1, с. 82, 397].

Таким образом, концепт революционной войны в том смысле имеет центральное (ядерное) значение для Мао, что он предполагает у него общий милитаристский концепт политики. Более того, лидер китайских коммунистов объявляет себя приверженцем «теории всемогущества войны», суть которой выражает своими крылатыми изречениями «Винтовка рождает власть» и «Винтовка рождает всё» [5, т. 2, с. 282]. Впрочем, даже винтовка рождает разную власть: «При помощи винтовки русские коммунисты завоевали социализм, мы же создадим демократическую республику» [5, т. 2, с. 282].

Новая демократия. История концепта «новой демократии» (新民主主义: синь миньчжу чжуи) тоже берет начало с тактики «единого национального фронта», которая была принята на вооружение КПК по инициативе Мао в 1935 году. Эта установка означала отказ от тезиса, что китайская национальная буржуазия не может быть союзником рабочих и крестьян в борьбе против японского империализма. В политической сфере единый национальный фронт означал отказ от однопартийных диктатур (Гоминьдана либо КПК), а вместо этого Мао предлагает «демократический режим, основанный на сотрудничестве различных партий и классов» [5, т. 1, с. 343] или «двустороннюю политику (两重性政策: лянчун син чжэнцэ)», в которой сочетаются и «объединение, и борьба» [5, т. 3, с. 12]. Для ревнителей идеологической чистоты партии сам тезис о «сотрудничестве классов» отвергался с порога как ревизионистский. Мао же в ответ требует от своих однопартийцев гибкости мышления (привлекая для этого даже категории диалектического материализма вроде «практики» и «противоречия») и признания того, что «интересы классовой борьбы должны быть подчинены интересам войны и не могут им противоречить» [5, т. 2, с. 254].

«Национальный фронт сопротивления» со временем приобрел статус культурно-исторического смежного концепта для ядерного концепта «новой демократии». Еще один такой концепт – это «гегемония» (领导权: лиидао цюань), которую Мао привлекает для объяснения сути единого национального фронта. Гегемонию КПК (либо его соперника Гоминьдана) в рамках антияпонского национального фронта Мао описывает как власть авторитета, как «роль воспитателя многомиллионных масс народа», к которому «народ прислушивается» [5, т. 1, с. 245]. Гегемония требовала от китайских коммунистов замены лозунга «рабоче-крестьянской демократической республики» на лозунг «народной» или «народно-демократической» республики [5, т. 1, с. 211-212; 5, т. 2, с. 303]. Хотя эти выражения кажутся плеоназмами, в устах КПК они транслировали конкретный политический смысл: отказ от классового термина «буржуазно-демократический» в пользу надклассового суньятсеновского «народа». Таким образом, Мао передвигает поначалу маргинализированный в коммунистическом дискурсе концепт «народных принципов» в сторону ядра нового идеологического конструкта. Вдобавок, в первой половине 1940-х годов Мао Цзэдун концептуально усиливает лексикоконцепт «народ», формируя его «плавающую» семантику: состав входящих в «народ» социальных классов и групп трактуется им по-разному в зависимости от актуальных политических задач, но деконтестированный концепт «крестьянства» (села) сохраняет свою ключевую роль [5, т. 3, с. 93; 5, т. 4, с. 509].

Концепты «новой демократической республики» и «единой демократической республики», которые с 1937 года часто появляются в дискурсе Мао в контексте политики единого фронта, получают развитие в его работах конца 1939 – начала 1940 годов и семантически

плавно переходят в концепт «новая демократия». Этот концепт и стал в позднейшей идеологической рефлексии КПК общим именем всего идеологического конструкта. К его смежной области относится концептуальное различие между буржуазно-демократическими революциями «старого» типа (чисто буржуазными революциями XVII – XIX вв. в странах Европы и Америки) и революциями «нового» типа в XX веке (начиная с Октябрьской революции в России), которые создают «руководимую пролетариатом диктатуру единого фронта революционных классов» [5, т. 2, с. 412].

Национально-китайский смысл концепту «новой демократии» придается ссылкой на «три народных принципа» Сунь Ятсена (национализм, народовластие и народное благоденствие), включая принцип «каждому пахарю – свое поле [5, т. 2, с. 447]. В идеологии КПК этот лозунг-концепт сразу в нескольких смыслах выступает концептом-связкой: с одной стороны, он носит буржуазно-демократический характер, делая из крестьян частных собственников; с другой стороны, выступает одним из ключевых пунктов пролетарской коммунистической партии, поскольку в Китае, как часто повторял Мао, нет партии, которая представляла бы исключительно интересы крестьянства, а буржуазные партии не имеют радикальной аграрной программы.

Одним из ключевых вопросов теории новой демократии был вопрос о принципе ее конституционного устройства: будет ли последнее опираться на западный принцип разделения властей либо станет диктатурой пролетариата (и компартии от имени пролетариата). Мао поначалу предлагал нечто третье. Определяя «новодемократическое конституционное правление» как «диктатуру нескольких объединившихся революционных классов, направленную против национальных предателей и реакционеров» [5, т. 2, с. 523], он, с одной стороны, отвергает буржуазный республиканизм в пользу диктатуры как «новой демократии». Однако, с другой стороны, Мао не понимает эту диктатуру как диктатуру какого-то одного класса или партии. Но вместо системы (разделенных) трех властей он предлагает «систему трех третей (三三制: сань сань чжи)» - своего рода вариант общественной демократии, в основе которой лежат не этнополитические, а классово-идеологические сегментарные различия [5, т. 2, с. 573]. Впрочем, этот любопытный концепт остался на периферии политической мысли Мао, поскольку накануне провозглашения КНР лидер КПК уже начинает использовать в качестве синонима «новой демократии» выражение «демократическая диктатура народа». Взятое вне контекста, это выражение тоже кажется тавтологией и абсурдом, однако ситуационно-идеологический смысл его очевиден: с одной стороны, оно выражает стремление отмежеваться от гоминьдановского «буржуазного» принципа народовластия (отсюда «народность» демократии); с другой – сигнализирует усиление акцента на диктатуре рабочих и крестьян, тогда как роль национальной буржуазии в «демократической диктатуре» снижается из-за стратегии «сдерживания капитализма» и недопущения ведущей роли буржуазии в государственной власти [5, т. 4, с. 514].

В заключение заметим, что наш анализ концептной структуры одного из идеологических конструктов Мао Цзэдуна сознает свои границы в плане изучения стратегий реальной политики китайского коммунистического лидера. Американский китаевед Б. А. Шварц был отчасти прав, заметив, что «хотя эта политика действительно влечет за собой глубокие последствия для марксистско-ленинской доктрины, эти последствия никогда не становятся очевидными в теории. Напротив, в теоретической сфере предпринимаются все усилия, чтобы эти последствия скрыть» [1, р. 189]. В конце концов, любая идеология, включая марксистскую, остается той самой «камерой обскура» [8, т. 3, с. 25], с которой связывали природу идеологического сознания марксистские классики. Однако и по перевернутой картине мира можно еще немало узнать верного о сути его устройства.

Список источников

1. Schwartz B. I. Chinese Communism and the Rise of Mao, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. 258 p.
2. Schram S. R. The Thought of Mao Tse-Tung. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. 242 p.
3. 杨胜群. 马克思主义中国化的基本经验和毛泽东邓小平的历史贡献. // 北京: 党的文献. 1999. No. 2. P. 26-28 [Ян Шэнцзюнь. Основной опыт китаизации марксизма и исторический вклад Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина // Партийная литература. Пекин. 1999. №. 2. С. 26-28].

4. 张乾元. // 毛泽东关于马克思主义与中国实际第二次结合的思想及历史贡献. // 武汉：武汉大学学报. 2008. No. 3. P. 261-266 [Чжан Цяньюань. Идеи Мао Цзэдуна о втором сочетании марксизма и китайской действительности и его исторический вклад. // Журнал Уханьского университета. Ухань. 2008. №. 3. С. 261-266].
5. Мао Цзэдун. Избранные произведения в 5 томах. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1964-1977.
6. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: Пер. с кит.— М.: Политиздат, 1988. 256 с.
7. Макаренко В. П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989. 368 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1-39. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974.
9. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. Пер. с ит. М.: Политиздат, 1991. 559 с.
10. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
11. Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 2006. 592 p.
12. Ли Цзюньжу. Об основных вопросах китаизации марксизма // Свободная мысль. 2017. № 4. С. 65-76
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965.
14. Мао Цзэдун. Против книгопочтения (май 1930 года) // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати (1950—1967). Выпуск третий. М., Прогресс, 1976. С. 276–283.
15. 毛泽东. 国民革命与农民运动 // 农民运动 - 广州. 1926年, No. 8. P. 1-2 [Мао Цзэдун. Национальная революция и крестьянское движение // Журнал крестьянского движения. Гуанчжоу. 1926. № 8. С. 1-2].
16. 中共中央文献研究室, 中央电视台：《大型文献片邓小平》. 北京：中央文献出版社. 1997年, P. 1. 共271页 [Центр по изучению партийной литературы при ЦК КПК, CCTV: широкомасштабный документальный фильм «Дэн Сяопин». Пекин: Изд-во центральной литературы, 1997. 271 с.].

References

1. Schwartz B. I. *Chinese Communism and the Rise of Mao*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. 258 p.
2. Schram S. R. *The Thought of Mao Tse-Tung*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. 242 p.
3. 杨胜群. 马克思主义中国化的基本经验和毛泽东邓小平的历史贡献. 北京：党的文献. 1999. No. 2. P. 26-28 [Yang Shengqun. The basic experience of the Sinicization of Marxism and the historical contribution of Mao Zedong and Deng Xiaoping. *Party Literature*. Beijing, 1999 (2): 26-28]. (In Chinese)
4. 张乾元. // 毛泽东关于马克思主义与中国实际第二次结合的思想及历史贡献. // 武汉：武汉大学学报. 2008. No. 3. P. 261-266 [Zhang Qianyuan. Mao Zedong's ideological and historical contributions to the second integration of Marxism and Chinese practice. *Journal of Wuhan University*. Wuhan, 2008 (3): 261-266]. (In Chinese)
5. *Mao Zedong. Selected works in 5 vol.* Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1964-1977. (In Russ.)
6. Deng Xiaoping. *The main issues of modern China*: Trans. from Chinese. Moscow: Politizdat, 1988. 256 p. (In Russ.)
7. Makarenko V. P. *Bureaucracy and Stalinism*. Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1989. 368 p. (In Russ.)
8. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 1-39. Second edition. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1955-1974. (In Russ.)

Young scientists

Meng Yufeng. Mao Zedong's Theory of "New Democracy": the experience of morphological analysis of an ideological construct

9. Gramsci A. *Prison notebooks*. In 3 vol. Vol. 1. Transl. from Italian. Moscow: Politizdat, 1991. 559 p. (In Russ.)
10. Dijk T. A. van. *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication*. Trans. from English. Moscow: Book House "LIBROCOM", 2013. 344 p. (In Russ.)
11. Freedman M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon Press, 2006. 592 p.
12. Li Junru. On the main issues of the Sinification of Marxism Free Thought. 2017 (4): 65-76. (In Russ.)
13. Lenin V.I. *Complete works* / Institute of Marxism- Leninism at the Central Committee of the CPSU. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat, 1958-1965. (In Russ.)
14. Mao Zedong. Against book-worship (May 1930). Speeches of Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press (1950-1967). Vol. 3. Moscow: Progress, 1976, pp. 276-283. (In Russ.)
15. 毛泽东. 国民革命与农民运动// 农民运动 - 广州. 1926年, No. 8. P. 1-2. [Mao Zedong. National Revolution and Peasant Movement. *Journal of the Peasant Movement*. Guangzhou, 1926 (8): 1-2.]. (In Chinese)
16. 中共中央文献研究室, 中央电视台: 《大型文献片邓小平》. 北京: 中央文献出版社. 1997年, P. 1. 共271页 [Party Literature Research Center at the Central Committee of the Communist Party of China, CCTV: a large-scale documentary "Deng Xiaoping". Beijing: Central Literature Publishing House, 1997. 271 p.]. (In Chinese)

Информация об авторе

Мэн Юйфэн – аспирант, Южный федеральный университет.

Information about the author

Meng Yufeng – Graduate Student of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 21.08.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 06.09.2022.